

В.В. Пономарева*

**«КАЖДЫЙ ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ — ОШИБКА!»:
ВЕДОМСТВЕННОЕ ОБСУЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ
ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (80-е гг. XIX в.)**

V.V. Ponomareva

**“EVERY LOST DAY IS A DISASTER!”:
DEPARTMENTAL DISCUSSION OF THE PROGRESS
OF WOMEN’S EDUCATION IN THE 1880s**

Аннотация. Одним из достижений эпохи Великих реформ стало быстрое развитие женского образования: появлялись новые типы учебных заведений, росло их число, ширилось движение за высшее образование для женщин. Всё это являлось серьезным фактором социальных перемен, приводило к расширению сферы женской самодеятельности. Для сторонников консервативного лагеря, в целом выступавших за распространение просвещения, главной заботой было сохранение социально-политической стабильности всех существовавших институтов. Ответом на демократические перемены в области образования в эпоху Великих реформ стала целенаправленная политика правительства Александра III: изменение учебных программ в сторону сокращения, упор на религиозное воспитание, попытка возвращения к словесному принципу формирования состава учащихся. В 1884 г. начала работу «Комиссия для рассмотрения некоторых вопросов о женском образовании», в состав которой вошли чиновники Ведомства учреждений императрицы Марии, Министерства народного просвещения и Духовного ведомства. Предлогом для формирования Комиссии стала «Записка» помощницы императрицы Марии Федоровны в управлении мариинскими учебными заведениями баронессы Э.Ф. Раден. Позиция Раден нашла полную поддержку и в Мариинском ведомстве, и в Министерстве народного просвещения; обсуждение реформ женской школы в основном шло по направлениям, сформулированным в ее записке. Баронесса полагала ошибочными чрезмерный рост числа гимназий при недостатке начальных и профессиональных училищ и предоставление права преподавания в учебных заведениях лицам, не имеющим специального педагогического образования, считала опрометчивым решением открыть

* *Пономарева Варвара Витальевна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории истории русской культуры исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ponomareva Varvara Vitalievna, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow, Laboratory for the History of Russian Culture, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-495-939-20-56; v1789@mail.ru

бесконтрольные высшие курсы, ратовала за усиление нравственного воспитания в школах и установление строгого надзора за учащимися. Комиссия, работавшая с 1884 по 1890 г., подготовила проекты и предложения по реформированию женского образования, которые по большей части оказались нереализуемыми: часть из них противоречила российским законам, другие — жизненным реалиям того времени, получившим общественную санкцию. Итоги деятельности Комиссии продемонстрировали необратимость тех тенденций, против которых выступали ее члены.

Ключевые слова: женское образование, Ведомство учреждений императрицы Марии, Министерство народного просвещения, закрытые женские институты, женские гимназии, учительница, студентка.

Abstract. One of the achievements of the Era of the Great Reforms was the rapid progress of female education manifested in the emergence of new types of educational institutions, an increase in their number and the expansion of the movement for women's higher education. All this was an important factor in social transformation and led to the expansion of the sphere of women's social activities. The adherents of the conservative camp, who generally advocated the dissemination of education, were mainly concerned with maintaining the socio-political stability of the all existing establishments. Alexander III's government responded to the democratic changes in education in the Era of the Great Reforms with narrowing the curriculum by reducing the range of subjects taught, enhancing religious education and attempting to revert to the estate principle of student recruitment. The Commission for considering some issues of women's education began work in 1884. It included officials from the Departments for the Administration of the Institutions of Empress Maria, the Ministry of Public Instruction and the Department of Religious Affairs. The establishment of the Commission was instigated by the note submitted by baroness E.F. Raden, an assistant to Empress Maria Feodorovna in the administration of the Mariinsky educational institutions. Raden's position was fully supported in the Mariinsky department and in the Ministry of Public Instruction. The discussion of reforms of women's education mainly developed along the lines formulated in the baroness's note. She believed that, taking into consideration a lack of primary and vocational schools, the excessive increase in the number of gymnasiums and granting the right to teach in educational institutions to those who did not have special pedagogical education were erroneous. Raden also considered a rash decision to open uncontrolled higher education courses and advocated strengthening moral education in schools and strict supervision over students. The Commission, which operated from 1884 to 1890, prepared projects and proposals for reforming women's education. They were mostly impractical: some of them contradicted to the Russian laws, the others — to the real practices of social life at that time. The results of the Commission's activity revealed the irreversibility of the trends its members opposed.

Keywords: women's education, Department for the Administration of the Institutions of Empress Maria, Ministry of Public Instruction, girls' public schools, girls' gymnasium, female teacher, female student.

Одним из злободневных вопросов настоящего времени является реформирование школы, и это актуализирует изучение истории российской политики в области народного просвещения, в частности — женской школы. В отечественной историографии немалое внимание уделялось политике контрреформ Александра III, частью которых являлась контрреформа образования. По наблюдению историка русской школы Е.К. Сысоевой, «сфера образования одной из первых ощущала на себе колебания внутривластного курса, обусловленные соотношением консервативных и либеральных общественных сил»¹. Демократическим тенденциям в развитии образования конца 1850-х — начала 1870-х гг. исследователи противопоставляют реакционные действия властей, недовольных результатами этого реформирования². Историком педагогики Э.Д. Днепровым консервативное направление 1880-х — начала 1890 гг. в обсуждении путей развития женского образования оценивалось как «атака реакции», вызванная «недовольством властных реакционных кругов» демократизацией российской женской школы³. В то же время в ряде современных работ в ходе дискуссии о «волнах» реформ и сменяющих их контрреформ прослеживается тенденция рассматривать последние в контексте догоняющего типа развития российской цивилизации как стабилизирующий ответ на радикализм преобразований, возвращающий к традиционным, пусть по необходимости осовремененным, ориентирам⁴.

В пореформенное время женское образование, получившее общественную поддержку, обрело небывалый импульс: появились новые типы учебных заведений, все большую силу стала набирать кампания

¹ Сысоева Е.К. Общеобразовательная школа в России в условиях модернизации начала XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2010. № 2. С. 63.

² Биюшкина Н.И. Политика Александра III в сфере образования // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 36–42; Магсумов Т.А. Доклад «О сокращении гимназического образования» 1887 г. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 10. С. 488–489; Порхова Т.М. Высшие органы власти Российской империи и формирование государственной образовательной политики во второй половине XIX — начале XX в. // Социология власти. 2007. № 1. С. 131–139; Суслина И.А. Причины, содержание и последствия контрреформы среднего образования Александра III: историко-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2017. № 4(37). С. 28–31.

³ Днепров Э.Д. Попытка контрреформы среднего женского образования. 1884–1894 гг. // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 241.

⁴ Богуславский М.В. Социокультурный контекст реформирования российского образования XVIII — XIX вв. // Известия Волгоградского гос. педагогического университета. 2007. № 4(22). С. 3–7; Пантин В.И. Циклы реформ-контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 22–32.

за высшее образование для женщин, велось широкое обсуждение женского вопроса в периодической печати. Таким образом, власть столкнулась с совершенно новым явлением, ставшим отчетливым знаком происходивших в самые сжатые сроки глубоких социальных трансформаций, менявших место и роль женщины в семье и обществе. Тенденции развития женского образования и связанные с ним перемены вызывали тревогу властей, пытавшихся разработать программу мер, способных придать ему более приемлемое направление.

Именно эту задачу стремилась решить совместная Комиссия Министерства народного просвещения и Ведомства учреждений императрицы Марии, действовавшая в 1884–1890 гг. Основным источником по нашей теме являются документы 1884–1892 гг., отложившиеся в фондах Ведомства учреждений императрицы Марии (Российский государственный исторический архив, г. Петербург): записка баронессы фон Раден, материалы совместной «Комиссии для рассмотрения некоторых вопросов о женском образовании» Министерства народного просвещения и Ведомства учреждений императрицы Марии, переписка должностных лиц обоих ведомств, журналы Опекунского совета учреждений императрицы Марии и др.

Непосредственным предлогом для создания «Комиссии для рассмотрения некоторых вопросов о женском образовании» послужила «Записка» баронессы Э.Ф. Раден, написанная ею в 1884 г.

Баронесса Эдита Федоровна фон Раден (1820–1885) обладала весомым авторитетом как во властных верхах, так и в интеллектуальной среде. В молодые годы она состояла гофмейстериной великой княгини Елены Павловны, при дворе которой собирались ученые, писатели, деятели Великих реформ. После смерти великой княгини Раден была пожалована в камер-фрейлины императрицы Марии Александровны. Не имея собственной семьи, она энергично занималась общественными делами: была одной из активнейших деятельниц Красного креста, организовывала санитарные отряды в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг., участвовала в учреждении в Петербурге Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, работала над созданием высшего учебно-медицинского учреждения — Еленинского клинического института, руководила приютами и дешевыми столовыми⁵. Раден состояла в переписке с Н.И. Пироговым, К.Д. Кавелиным, Ю.А. Самариним⁶, А.Ф. Кони и И.С. Аксаков единодушно называли

⁵ Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. С. 281–284.

⁶ Петухов Е.В. Из переписки Н.И. Пирогова с баронессой Э.Ф. Раден. Юрьев, 1911; Переписка Ю.Ф. Самарина с баронессой Э.Ф. Раден. 1861–1876 гг. М., 1893; Из заграничной переписки (письма К.Д. Кавелина к Э.Ф. Раден) // Русская мысль. 1899. № 5, 8, 11, 12; 1900. № 4, 10.

ее «одной из замечательнейших женщин» своего времени, «сильной умом и волей»⁷. Баронессу Э.Ф. фон Раден никак нельзя было отнести к разряду ограниченных реакционных особ, стремившихся преградить женщинам доступ к образованию.

После смерти главноуправляющего Ведомства учреждений имп. Марии принца Петра Георгиевича Ольденбургского в 1881 г. баронесса Раден стала помощницей императрицы Марии Федоровны в управлении Мариинскими женскими учебными заведениями. Мариинское ведомство, занимавшее особое положение среди прочих ведомств, находилось под непосредственным патронатом императорской фамилии, полностью определявшей всю его деятельность.

24 февраля 1884 г. датирована составленная Э.Ф. Раден записка, сохранившаяся в фондах Ведомства учреждений императрицы Марии без заглавия и обращения, в деле под названием «О некоторых реформах в существующей системе женского образования и о постановке на новых началах в женских учебных заведениях Ведомства учреждений императрицы Марии и министерства народного просвещения»⁸.

Признавая, что «во всем цивилизованном мире обнаружилось стремление женщины к высшему и основательному образованию», Раден в то же время утверждала, что это стремление, «в сущности, справедливое, приняло все черты болезненного увлечения, потому что оно совпадает с аномальным состоянием семейства и общества». Далее баронесса перечисляла причины, которые довели общество и, в особенности, «юное женское поколение» до «безумного увлечения фиктивным образованием». По ее мнению, к их числу относились: 1) избыточность прав, которые давали институты и гимназии своим выпускницам, 2) неравномерность развития низшего и среднего уровней женского образования, поскольку наряду с «многочисленными женскими гимназиями» не открывалось «достаточного числа» школ с законченным элементарным курсом, начальных и профессиональных школ, 3) открытие «никем не контролируемых» высших учебных курсов, 4) учреждение Медицинской Академии для женщин⁹.

По убеждению Раден, серьезной ошибкой было предоставление воспитанницам, окончившим курс четырех классов (прогимназия), права преподавания по программе начальной школы. Она обращала внимание на то, что поручать «обучение детей учительнице, которая сама кое-как прошла только прогимназический курс (4 класса)... ни с чем не сообразно», и полагала, что и те из воспитанниц, кто окончил

⁷ Кони А.Ф. Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 491; Аксаков И.С. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М., 1887. С. 727–728.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 96. Д. 338. Л. 3–12.

⁹ Там же. Л. 3 об.–4.

полный курс и получил аттестат на звание домашней учительницы, «мало подготовлены к преподаванию»¹⁰. Указывала она и на сословный аспект образовательной политики: «Эта льгота привлекает в гимназии детей низших классов, родители которых имеют о гимназиях лишь то неопределенное понятие, что дети их там *приобретают права!*», тогда как «есть что-то положительно нелепое в понятии о “правах” девочек 13 или 14-ти лет». По мнению Раден, следовало «распространять правильные понятия о том, что дети учатся ради образования и хорошего воспитания, а не для поступления в какую-то иерархию преподавательниц, о которой им говорят, как о высшей цели школы»¹¹. Подготовку к преподавательской деятельности могут давать лишь «специальные классы в институтах и педагогические курсы гимназий», хотя и они не лишены «неправильностей в постановке их программ». Таким образом, «из огромного числа учительниц, выпускаемых ежегодно из заведений Ведомства учреждений имп. Марии и Министерства народного просвещения, едва 200 серьезно подготовлены к педагогической деятельности»¹². Из текста явствует, что Раден беспокоило не только качество преподавания, но и «незрелые идеи», которые юные учительницы приносили с собой в школу.

Особое возмущение Раден вызывало «болезненное явление» — «тип нашего времени, “студентки”», порожденное полуобразованием, распространяющем «из поколения в поколение... фальшивые чувства и растлевающие принципы». Она указывала в своей записке, что стремление к «фиктивному образованию» нашло «ярких поборников среди учебного сословия», когда «часто, кроме научных целей, преследовались открыто другие». Баронесса, сама принадлежавшая к властной верхушке, не преминула высказать упрек в адрес правительства, заметив, что «ложному направлению» потакало и «ослепление высших властей», и это проявилось столь очевидно, «что даже самые ярые передовые сторонники дела задумались». Она приводила конкретные цифры, сопровождая их весьма жестким комментарием: «Из 900 студенток бестужевских курсов 70% прибывают из провинции, большая часть из них бросили свои семейства, и вместе с тем все ограды своего пола. Они живут как мужчины, одни, в меблированных комнатах, с подругами или товарищами, в невероятной распущенности. На курсах им преподают науки, к изучению которых они не подготовлены и которых поэтому не могут усвоить. Философия, право, политическая экономия превращаются у них в неверие, в отрицание добра и зла, и в социализм. По окончании

¹⁰ Там же. Л. 5 об.

¹¹ Там же. Л. 7–7 об. Курсив документа.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 96. Д. 338. Л. 6–6 об.

курса они наводняют начальные школы»¹³. Этот факт представлялся баронессе особенно угрожающим.

Начальству Мариинского ведомства в собственных учебных заведениях приходилось сталкиваться с последствиями «ложного направления» и, соответственно, принимать меры по предупреждению распространения крамолы среди подопечных: улаживать дела с пепиньеркой¹⁴ Полтавского института, попавшей под влияние приятельницы «с вредным направлением», заразившей ее «своими идеями»; с классной дамой Киевского института, подозреваемой в связях с «лицами известных категорий» и допрошенной жандармским полковником¹⁵; увольнять «без огласки» по требованию генерал-губернатора преподавательницу французского языка, некогда учившуюся в Саратовском институте¹⁶; предоставлять жандармскому управлению сведения о бывшей институтке, замешанной в «пироксилиновом» деле; пресекать распространение запрещенных книг и брошюр между воспитанницами Одесского и Московского Екатерининского институтов¹⁷, и т.д. Самой Раден в 1883 г. довелось отправиться в Варшаву для разбора скандального случая в местном институте, когда одна из классных дам «оказалась причастною к социально-революционной партии» и была арестована¹⁸.

Для предотвращения вредного влияния на слушательниц педагогических курсов Раден предлагала установить за ними надзор: те из них, кто не живет с родителями, должны жить в специальных общежитиях и подчиняться установленным правилам¹⁹.

Помимо общей критики современной русской женской школы, в записке содержались лишь краткие предложения по ее исправлению. Раден предлагала учреждать низшие и профессиональные училища, сократить учебный курс учебных заведений «с целью углубления его содержания», установить контроль над слушательницами педагогических классов. Основное внимание уделялось аттестации учительниц — права на звание учительниц разных степеней предлагалось предоставлять исключительно выпускницам педагогических курсов или специальных педагогических классов при институтах; не прошед-

¹³ Там же. Л. 8 об.–9.

¹⁴ Пепиньерка — выпускница института, получающая специальную подготовку в педагогическом классе.

¹⁵ РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 320. Л. 1–5 об. 1879 г.

¹⁶ Там же. Л. 9–9 об. 1880 г.

¹⁷ Там же. Л. 13, 17–18 об. 1881, 1884 гг.

¹⁸ Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель. Материалы для его биографии и характеристики. Т. 1. Пг., 1915. С. 66.

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 96. Д. 338. Л. 11 об.

шие такие курсы должны сдавать экзамен в специальных комиссиях при Министерстве народного просвещения.

Текст записки завершился довольно эмоционально: «каждый потерянный день — ошибка»²⁰.

Хотя Раден свою записку адресовала Ведомству, стремясь «обратить внимание... на несколько пунктов, которые изменили бы настоящее положение, по крайней мере в заведениях, ему подведомственных», вместе с тем она предлагала «взять на себя инициативу полезных и настоятельных реформ и предложить таковые на усмотрение Министерства народного просвещения». Ее размышления легли на подготовленную почву, поскольку сформулированные в записке мысли разделялись значительным числом облеченных властью чиновников как Министерства народного просвещения, так и Ведомства учреждений императрицы Марии.

Еще в 1877–1878 гг. при рассмотрении отчетов Министерства народного просвещения подчеркивалось, что число женских гимназий «превышает имеющуюся в них потребность», они «искусственно привлекают к себе лиц тех сословий, для которых среднее образование излишне», и им требуется лишь подготовка в низших училищах или профессиональных школах, «соответствующая их жизненным потребностям и не клонящаяся к отчуждению их от общественной среды»²¹. Это соображение нашло поддержку на Особом совещании министров в 1879 г.

Ознакомившись с запиской Э.Ф. Раден, главноуправляющий Мариинским ведомством К.К. Грот заявил, что вполне разделяет изложенные в записке взгляды и распорядился, «сняв копию с записки, без подписи», отправить министру народного просвещения И.Д. Десянову. В сопроводительном письме он отмечал, что «считал бы весьма желательным приступить к постепенному приведению в исполнение таких начал, о которых в ней упоминается», и предлагал министру образовать совместную комиссию²².

В своем ответном письме Гроту Десянов признавал «основательность выраженных в записке соображений, которые могут направить воспитание девиц к лучшей цели», и соглашался с предложением образовать совместную комиссию. При этом, ссылаясь на то, что большая часть женских учебных заведений находится в ведении Министерства (125 гимназий и 192 прогимназии), он предлагал назначить председателем комиссии своего заместителя — товарища министра князя М.С. Волконского. Как Десянов, так и Волконский

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Цит. по: *Днепров Э.Д.* Указ. соч. С. 242.

²² РГИА. Ф. 733. Оп. 96. Д. 338. Л. 18–18 об.

были тесно связаны с проблемами женского образования и не были сторонними лицами для Мариинского ведомства: министр народного просвещения традиционно являлся членом Главного совета Ведомства и входил в Совет Воспитательного общества благородных девиц (Смольный институт) в качестве члена по учебной части, а его товарищ — Патриотического и Елизаветинского институтов. В результате переписки в декабре 1884 г. была сформирована Комиссия, хотя ее состав был утвержден позже, в начале января 1885 г., поскольку в него было решено включить также и уполномоченных от Духовного ведомства. Одновременно с заседаниями Комиссии проходили совещания Опекунского совета Мариинского ведомства, где в более узком кругу также обсуждались вопросы, поднятые в записке баронессы Раден.

Комиссия должна была заниматься «устранением недостатков, которые замечались в постановке женского образования». Характерно, что на протяжении всей работы Комиссии в ее бумагах то и дело встречались ссылки на записку Раден, ее прямое цитирование, а то и приводился полный ее текст. Очевидно, что баронессе удалось нащупать самые болезненные для консервативных кругов точки, назвав именно те тенденции развития женской школы, которые вызвали наибольший протест (немаловажное значение, очевидно, имела и сама личность автора записки).

Членами Комиссии были изучены различные материалы: статистика, сравнительные характеристики различных женских учебных заведений, отчеты местных властей и их предложения. Кроме того, рассматривались данные о состоянии женского образования в европейских государствах и ход дискуссий на эту тему. В частности, приводились отчеты заседания Парижского муниципального совета, где высказывались схожие с настроением многих членов Комиссии опасения, «чтобы даваемое образование не принесло им [женщинам] в конечно результате более вреда, чем пользы», а также о том, «чтобы высшее образование не вселило в девушках отвращения к рукоделию вообще, которое гораздо вернее обеспечивало бы им существование».

Созвучные записке баронессы Раден мысли встречались во всеподданнейшем отчете полтавского губернатора за 1884 г., извлечение из которого также сохранилось в материалах Комиссии. Подобное единодушие характеризует распространенное среди представителей российских властных структур отношение к женскому образованию. В частности, в отчете указывалось, что «под влиянием некоторых веяний 60-х годов во многих городах стали открываться, не соображаясь с тем, насколько это будет полезно и целесообразно, женские гимназии и прогимназии, преподавание в которых не давало почти

никаких сведений, необходимых для практической жизни женщин той среды, из которой выходит весьма значительный процент гимназисток»²³. Полтавский губернатор писал: «смело утверждаю, что огромное большинство девочек из низших сословий извлекает от пребывания в гимназии весьма мало пользы, но зато становится вполне непригодными, чтобы исполнить священные обязанности матерей в той среде, из которой они вышли и куда должны были бы возвратиться умудренными наукой и опытом»²⁴. Более того, в гимназиях представительницы разных сословий сталкиваются с социальным неравенством, что «порождает зависть и озлобление», и тем легче свое влияние на учениц оказывают «вредные и непрактичные теории».

Губернатор, подобно Раден, делая оговорку, что «распространение образования вообще весьма желательно», затем также добавлял свое «но»: «... прежде получения образования каждый человек должен иметь кусок насущного хлеба», а ведь только девушка, «наученная основательно женским ремеслам, может поддерживать своих бедных родителей и сама существовать безбедно, не увлекаясь утопическими теориями и не ропща на судьбу за то, что она родилась в скромной среде». Предложение полтавского губернатора соответствовало идеям Раден: он полагал необходимым «открывать возможно большее число начальных женских училищ, в которых преподавать Закон Божий, чтение, письмо, арифметику и основательно обучать тем женским работам и обязанностям, которые могут потребоваться в практической жизни». Эти училища должны предназначаться для детей «беднейших сословий», в то время как плату за обучение в женских гимназиях и прогимназиях следовало значительно увеличить²⁵.

Э.Ф. Раден не случайно обращала внимание на нехватку школ с «законченным элементарным курсом». Российское государство, начиная с эпохи Екатерины II, тратило немалые средства на развитие систематического среднего женского образования, поскольку для страны, вставшей на европейский путь, прежде всего необходимо было включить дворянские семьи в лоно новой культуры. В европейских странах вплоть до второй половины XIX в. государство традиционно предоставляло попечение об образовании девочек привилегированных сословий их собственным семьям, поддерживая развитие школ начальной ступени, предназначенных для низших слоев. Таким образом, хотя Россия значительно отставала по общему

²³ Там же. Л. 41 об. Полтавский губернатор, генерал-майор Е.О. Янковский, некогда преподавал в Павловском кадетском корпусе.

²⁴ Там же. Л. 42–42 об.

²⁵ Там же. Л. 45–46 об.

числу грамотных людей, здесь вплоть до 80-х гг. XIX в. среднее женское образование поставлено было лучше, «чем в самых просвещенных государствах Западной Европы»²⁶. Уже к 1882 г. число средних женских учебных заведений в России превысило число мужских²⁷.

Понятно, что реализация обширного плана по учреждению множества начальных школ и профессиональных училищ по всей стране потребовала бы основательной проработки, материальных затрат, привлечения подготовленных сотрудников. Пожелания Комиссии так и остались на бумаге. Инициатива в этом вопросе находилась по большей части в руках земских учреждений, Духовного ведомства, частных лиц (школы грамоты, второклассные школы, земские сельские школы, рукодельные классы при церквях и школах, воскресные школы, и т.п.).

В «Записке о женских гимназиях» 1885 г. за подписью Е. де Витте²⁸, в числе других поданной на рассмотрение Комиссии, обращалось внимание на то, что гимназии дают образование, но не дают никакого воспитания, гимназистки «не подчиняются никакой дисциплине», и предлагалось преобразовать русскую женскую школу «на новых началах, которые делали бы ее школой образовательно-воспитательной»²⁹. Комиссия не оставила без внимания аргументы Витте. Делом «первой важности» в женских учебных заведениях признавалось «правильное» воспитание, то есть такое, которое основано «на развитии религиозного чувства и твердых началах доброй нравственности». Для достижения этой цели было принято решение придать «первенствующее значение» в гимназиях Министерства народного просвещения начальницам, как это принято и в гимназиях Мариинского ведомства по примеру женских институтов. На начальницу должно быть возложено «непосредственное заведывание делами, касающиеся внутреннего порядка в заведении, нравственно-воспитательного воздействия на учениц, охранения их здоровья

²⁶ Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб., 1899. С. III; Она же. Материалы для истории женского образования в России (1856–1880). СПб., 1901. С. 288, 647.

²⁷ Песковский М. Образование женщин у нас и за границей // Русская мысль. 1886. Кн. 7. С. 70.

²⁸ По всей видимости, автором является Елизавета Ивановна де Витте (ур. Аммосова), выпускница Воспитательного общества благородных девиц (вып. 1851 г.), вдова полковника, с 1885 г. находившаяся на службе в Мариинском ведомстве, главная надзирательница Тифлисской, Ковенской, затем киевской Фундуклеевской гимназии Ведомства. Публиковалась в журналах «Русское дело», «Заря», «Русь», «Правдивое слово», выражая взгляды консервативного крыла русского общества. Автор воспоминаний «К истории женских гимназий в России» (В 3 ч. Почаев, 1907–1908).

²⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 96. Д. 338. Л. 86 об.–87.

и соблюдения ими требования благонравия и приличия»³⁰. Однако женские гимназии и прогимназии подчинялись непосредственно начальству местного учебного округа³¹, и предложение Комиссии, требовавшее введения в гимназиях столь ответственной должности, серьезно ограничивающей права директора гимназии и инспектора классов, было практически нереализуемо.

С тем же результатом в 1886 г. обсуждалось предложение попечителя московских мариинских гимназий учредить при гимназиях в целях усиления надзора за ученицами должности сверхштатных классных надзирательниц («чтобы для надзора в каждом классе было особое лицо»). При обсуждении этого предложения выяснилось, что в Ведомстве на выполнение такого плана не хватило бы бюджетных средств.

В конце концов Комиссией были выработаны 10 проектов положений и правил о разных женских учебных заведениях, объяснительная записка и «общий доклад о всех работах и ходе их»: проекты женских гимназий Министерства народного просвещения, Мариинского ведомства, педагогических классов при тех и других гимназиях, Мариинских женских училищах, профессиональных женских училищах, высших женских курсах Министерства, высших женских курсах новых иностранных языков, правила о производстве испытаний для лиц женского пола на учительские звания.

Давая общую характеристику женским гимназиям, Комиссия заключила, что они представляют собой тип учебных заведений, не отвечающих потребностям населения небольших городов: годовой учебный курс не представляется законченным, и предполагается его продолжение в следующих классах, а потому те, кто не дошел до выпуска, «выходят в жизнь с отрывочными, никуда не пригодными сведениями»³². Отсутствие необходимого числа школ с «небольшим законченным курсом, приспособленным для практических целей», порождает «нежелательные явления, привлекая в средние женские учебные заведения воспитанниц из таких слоев общества, для которых средняя школа является непосильной роскошью»³³.

Вопрос о допуске в учебные заведения представительниц разных сословий на заседаниях Комиссии поднимался не раз. По данным Министерства народного просвещения, в его гимназиях насчитывалось

³⁰ Там же. Л. 152.

³¹ Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения с последовавшими с 1870 г. изменениями и дополнениями / Сост. М. Родевич. СПб., 1884. С. 12.

³² РГИА. Ф. 733. Оп. 96. Д. 338. Л. 524 об.

³³ Там же. Л. 524–524 об.

26 девиц из низших сословий на 100 учащихся. Как указывалось в документах Комиссии, «на будущее время... желательно еще большее понижение этого процента». Для этого было решено «исключить из положения о женских гимназиях указание на их всесословность», поскольку «женские гимназии предназначаются преимущественно для девиц из высших сравнительно классов населения»³⁴.

На одном из заседаний Опекунского совета Мариинского ведомства прямо указывалось на «непригодность» гимназий «для низших классов населения», хотя при этом делалась оговорка о возможности «допускать отступления от этого общего правила в тех случаях, когда лица низших сословий благодаря материальному благосостоянию или полученному образованию достигнут положения, при котором обучение в гимназии делается для них вполне доступным»³⁵. Очевидно, это допущение было сделано благодаря тому, что несколько членов Комиссии, в том числе М.С. Волконский и В.И. Лядов³⁶, заявили, что в настоящее время «вряд ли возможно и справедливо» совершенно закрыть доступ в гимназии лицам низших сословий, т.к. «нет еще заведений, которые заменяли бы для них гимназии, и строгое ограничение приема детьми некоторым сословиям может отразиться дурно на провинциальных женских гимназиях, в которых много учениц низших сословий». Приводилось еще одно немаловажное соображение: при формулировке обсуждаемых ограничений возникли бы юридические сложности, ведь по законодательству Российской империи признавалось «лишь деление населения по сословиям, а не по роду занятий, а потому выражение “за исключением чернорабочих и прислуги” как неюридическое, не может быть включено в закон».

Кроме того, Комиссия обратила внимание на увеличившийся процент учащихся девиц иудейского исповедания, в особенности в Северо-Западном и Юго-Западном краях и призвала «предотвратить на будущее время излишний наплыв евреек в женские гимназии»³⁷, однако впоследствии было заявлено, что «прямое упоминание о недопущении евреек в гимназии является неудобным»³⁸.

³⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 23. Д. 784. Л. 145.

³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 96. Д. 338. Л. 230.

³⁶ Лядов Василий Иванович (1834–1892), председатель Учебного комитета Ведомства учреждений имп. Марии, преподаватель географии, истории, педагогики и психологии в петербургских женских институтах, первый инспектор классов Александровского училища после отделения его от Воспитательного общества благородных девиц, автор первой истории Смольного института (Исторический очерк столетней жизни имп. Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища. СПб., 1864).

³⁷ РГИА. Ф. 759. Оп. 23. Д. 784. Л. 145 об.

³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 96. Д. 338. Л. 527–527 об.

Одним из основных требований, высказанных в записке Раден, была отмена права на преподавание тем, кто не получил педагогической подготовки, когда звание начальной учительницы «присваивается без испытания воспитанницам, прошедших курс 4 и даже 3 классов после полугодовой практики в начальной школе». Члены Комиссии, принимая аргументы Раден, «твердо решили уничтожить это положение»³⁹. Подобный запрет должен был распространяться также на окончивших полный курс учения в институтах и гимназиях, и право преподавания должны получать лишь выпускницы педагогических курсов или классов, или же выдержавшие установленные специальные испытания при условии прохождения более или менее продолжительной педагогической практики в начальных училищах или особых пробных уроков в женских гимназиях⁴⁰.

Однако требование столь строгого образовательного ценза для учительниц находилось в противоречии как с внутренними документами Мариинского ведомства, так и с действительностью. В том же году, когда была составлена записка Раден, был принят циркуляр по Ведомству «О принятии мер к возможно большему распространению в губернских институтах женского преподавательского труда»⁴¹. Ратуя за привлечение к преподаванию учительниц, в Ведомстве ссылались на три основных обстоятельства: 1) удобство располагать собственными преподавателями, не привлекая учителей местных учебных заведений; 2) дать выпускницам работу а, вместе с тем, и возможность «большого заработка при меньшей сравнительно плате за женский труд»; 3) сэкономленные на привлечении к преподаванию менее оплачиваемых учительниц средства позволят оплачивать «более высокой платой уроки учителей по русскому и иностранным языкам в старших классах за их особый труд по просмотру письменных работ». Более того, в Ведомстве заявили о необходимости «полного сокращения трат» на Мариинские гимназии, вплоть до «замены по возможности в классах гимназий мужского преподавательского труда женским», как «наиболее дешевым»⁴². В то же время план Раден, если бы он был принят, привел бы, напротив, к противоположному результату — сокращению «преподавательского женского труда».

Все типы школ Мариинского ведомства являлись не просто учебными, но учебно-благотворительными заведениями, т. е. в них

³⁹ РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 394. Л. 537.

⁴⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 96. Д. 338. Л. 149, 157–157 об.

⁴¹ Циркуляры по Ведомству учреждений имп. Марии за 1890–1905 гг. С добавлением предметного указателя и некоторых циркуляров за время до 1890 г. СПб., 1906. 10 февраля 1884 г. № 1137. С. 398–399.

⁴² РГИА. Ф. 759. Оп. 23. Д. 784. Л. 1, 20–20 об.

училось значительное число сирот и дочерей «недостаточных» родителей, и они должны были получить такую подготовку, которая позволила бы им зарабатывать на жизнь самим. Кроме того, традиционно институтское начальство старалось помочь своим выпускницам найти достойное место службы.

Высказанное Раден утверждение, что «дети учатся ради образования и хорошего воспитания», показывало, насколько баронесса была далека от понимания современных ей жизненных реалий. Число получивших образование девушек, которые крайне нуждались в зарботке, с каждым годом все возрастало. К этому времени выпускницы различных женских учебных заведений работали учительницами в женских институтах, прогимназиях и гимназиях, пансионах, епархиальных училищах, низших школах. Подавляющее большинство из их числа не имели специальной педагогической подготовки. Так, учительницами епархиальных училищ по большей части являлись бывшие епархиалки, за плечами которых был только училищный курс. Еще менее удовлетворительным был образовательный уровень учительниц низших школ. Например, в церковно-приходских школах Калужской губернии в 1890 г. насчитывалось 50 учительниц, из них одна институтка, 29 епархиалок, остальные законченного среднего образования не получили. Спустя четыре года число учительниц возросло чуть ли не вдвое, до 92. Из них пять окончили курс гимназий, четыре — институтов, девять — прогимназий и 64 — епархиальных училищ⁴³. В своем исследовании О.П. Илюха показывает, что в 1914 г., уже к концу существования Российской империи, специальную подготовку среди учителей школ Олонецкой губернии имели лишь 18,5%, образование ниже среднего — 39%⁴⁴ (в этот подсчет включены также и учителя-мужчины). Подобных примеров множество⁴⁵, при-

⁴³ Калужские епархиальные ведомости. Прибавление. 1890. № 24. С. 717; Калужские епархиальные ведомости. 1894. № 24. С. 710.

⁴⁴ *Илюха О.П.* Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX в.: модернизация и этнокультурная традиция. Автореф. дисс. ...доктора ист. наук. СПб., 2010. С. 29–30.

⁴⁵ *Зубков И.В.* Учителя средних и начальных школ в конце XIX — начале XX вв. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 3. С. 95–99; *Исакова Е.Г.* Образовательный уровень преподавательниц женских гимназий и прогимназий Западно-Сибирского учебного округа (конец XIX — начало XX в.) // Известия Алтайского гос. университета. 2012. № 4–2. С. 90–97; *Микрюкова В.С.* Деятельность министерства народного просвещения в отношении учительниц средних школ в начале XX в. (на примере Ижевской женской гимназии) // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 7. С. 167–173; *Титаренко Ю.И.* Женское образование в Симбирской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. // Симбирский научный вестник. 2011. № 2(4). С. 78–83; *Ширкова Г.А.* Квалификационный уровень учителей средних общеобразовательных учебных заведений г. Москвы в конце XIX — начале

чем исследователи дружно отмечают, насколько быстро происходила феминизация учительской профессии, что в немалой степени обуславливалось более низкой оплатой женского труда. Учитывая незначительный размер жалования учительниц низших школ и непростые бытовые условия их работы, можно не сомневаться, что заменить этих тружениц, не имевших специального педагогического образования, в случае принятия предложения Комиссии было бы некем. Другой стороной такого решения стало бы лишение возможности заработка тысяч работающих женщин, не имеющих надлежащего аттестата.

Учителей со специальным педагогическим образованием не хватало не только в низшей школе. При обсуждении нового Положения о гимназиях и прогимназиях в 1870 г. был поставлен вопрос о необходимости образовательного ценза для их начальниц. Но, хотя в Государственном совете признали, насколько «желательно, чтобы лица, назначаемые в начальницы женских гимназий и прогимназий... обладали надлежащими научными и педагогическими познаниями», выполнить подобное требование учебным заведениям, содержимым «на счет обществ и частных лиц, при некотором лишь от казны пособия», было бы затруднительно⁴⁶.

Более продуктивным оказался совсем иной способ решения проблемы слабой педагогической подготовки учительниц, а именно: учреждение в институтах и гимназиях специальных классов, в которые поступали девушки, окончившие общий курс и желавшие стать педагогами. Судя по данным, находившимся в распоряжении Комиссии, едва одна десятая часть выпускниц могли найти себе место в казенных учебных заведениях или в частных домах⁴⁷, и подобная конкуренция являлась лучшим стимулом для выпускниц средних учебных заведений получать дополнительно специальное образование. И действительно, с конца XIX в. все больше выпускниц средних общеобразовательных школ разного типа стремились получить дополнительную подготовку. Им помогали земские власти и Духовное ведомство, стремившиеся устраивать для учителей подведомственных им низших школ краткосрочные курсы по педагогике и методике преподавания различных учебных предметов, как это было принято и в Министерстве народного просвещения в соответствии с Правилами «о временных педагогических курсах для учителей и учительниц начальных народных училищ» (от 5 августа 1875 г.).

XX в. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 3. С. 343–351; *Цысь В.В., Цысь О.П.* Женское образование и женщины в образовании на Тобольском севере в XIX — начале XX вв. // Женщина в российском обществе. 2017. № 4(85). С. 78–87.

⁴⁶ Сборник действующих постановлений и распоряжений... С. 10.

⁴⁷ РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 394. Л. 539.

Наиболее взвешенным из всех проектов Комиссии оказался план, направленный на сближение между собой мариинских и министерских женских гимназий (правила проведения приемных и переводных экзаменов, учебных программ и пр.), что должно было облегчить переход учениц из одних учебных заведений в другие в случае необходимости. В соответствии с этим было найдено справедливым уравнивать права учениц, окончивших общий семилетний курс в гимназиях Министерства народного просвещения и Ведомства учреждений императрицы Марии, из которых первым предоставлялось право на звание начальной учительницы, а вторым — домашней учительницы «в силу предполагаемого введения в гимназиях обоих ведомств совершенно одинакового образовательного курса и тождественных программ»⁴⁸.

2 октября 1890 г. по решению главноуправляющего Мариинским ведомством работа Комиссии была объявлена законченной⁴⁹. Тем не менее, поднятые в записке баронессы Раден вопросы некоторое время еще обсуждались в Мариинском и Духовном ведомствах и Министерстве народного просвещения. Чиновники никак не могли смириться с продолжавшейся (и усугублявшейся) демократизацией женского образования.

Разработанные Комиссией проекты преобразования женских учебных заведений были внесены в Государственный совет, но «не получили утверждения»: для гимназий и прогимназий оставалось в силе Положение 1870 г.⁵⁰ Еще в мае 1886 г. по распоряжению Министерства народного просвещения был прекращен прием на высшие женские курсы «в виде рассмотрения вопроса вообще о женском образовании», так что к лету 1889 г. в России не осталось ни одной курсистки⁵¹. Однако уже осенью того же года вновь было разрешено открывать высшие курсы, хотя на первое время с урезанной программой. Вопреки пожеланиям Раден открывались все новые высшие женские медицинские учебные заведения (помимо медицинских курсов, Петроградский (1897), Московский (1909) и Харьковский (1910) медицинские институты).

Согласно трактовке Э.Д. Днепровы, работа «комиссии Волконского» являлась «одной из наиболее жестких и решительных попыток правительства сломать ту линию развития женского образования,

⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 96. Д. 338. Л. 149 об.

⁴⁹ Там же. Л. 76.

⁵⁰ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 661.

⁵¹ *Покровская М.И.* О высшем женском образовании в России. СПб., 1906. С. 2.

которую сформировала эпоха Великих реформ»⁵². Однако при рассмотрении материалов обсуждения в Комиссии «некоторых вопросов женского образования» и разработанных вариантов их решения, более обоснованной представляется иная оценка ее деятельности. Комиссия явилась запоздалой попыткой пересмотра «плачевных результатов ослепления властей» в предыдущее царствование, причем попыткой, обреченной с самого начала. Если Ведомство учреждений императрицы Марии располагало большей свободой по управлению своими учебными заведениями, то Министерство народного просвещения испытывало серьезное давление со стороны общества.

В противоречивых предложениях членов Комиссии отразилась растерянность чиновников перед свершившимся фактом: необратимостью распространения женского образования, охватывавшего все большее число женщин разных социальных слоев и, как следствие, все более расширявшейся сферой женской самодеятельности. Комиссии не удалось ни сформулировать общей стратегии развития женского образования, приемлемой для общества, ни предложить план конкретных мер, способных обеспечить это развитие. Противоречивый курс продолжался по крайней мере вплоть до начала Первой мировой войны, когда под влиянием модернизационных процессов позиция власти в деле народного образования начала меняться⁵³.

References

Biyushkina N.I. *Politika Aleksandra III v sfere obrazovaniya* [Alexander III's Policy in Education] // *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*. 2010. № 3. P. 37–43.

Dneprov E.D. *Popytka kontrreformy srednego zhenskogo obrazovaniya. 1884–1894 gg.* [An Attempt at a Counter-reform of Secondary Education for Women in 1884–1894] // *Voprosy obrazovaniya*. 2006. № 2. P. 241–247.

Isakova E.G. *Obrazovatel'nyy uroven' prepodavatel'nits zhenskikh gimnaziy i progimnaziy Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga (konets XIX – nachalo XX v.)* [The Educational Level of Female Teachers in Gymnasiums and Progymnasiums in the West Siberian Educational District in the Late 19th – Early 20th Centuries] // *Izvestiya Altayskogo gosdarstvennogo universiteta*. 2012. № 4–2. P. 90–97.

Magsumov T.A. *Doklad "O sokrashchenii gimnazicheskogo obrazovaniya" 1887 g.* [The 1887 Report "On the Reduction of Gymnasium Education"] // *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 2013. № 10. P. 488–489.

⁵² Днепро́в Э.Д. Указ. соч. С. 243, 247. Курсив наш. — В.П.

⁵³ Сысоева Е.К. Народное образование и земство в годы Первой мировой войны (по материалам земской и педагогической прессы) // Вестник Московского университета. 2018. № 5. С. 60–85.

Mikryukova V.S. *Deyatel'nost' Ministerstva narodnogo prosveshcheniya v otnoshenii uchitel'nykh srednikh shkol v nachale XX v. (na primere Izhevskoy zhen'skoy gimnazii)* [The Activities of the Ministry of Public Instruction Regarding Secondary School Teachers in the Early 20th Century. The Case of the Izhevsk Girls' Gymnasium] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2005. № 7. P. 167–173.

Porkhova T.M. *Vysshiyey organy vlasti Rossiyskoy imperii i formirovaniye gosudarstvennoy obrazovatel'noy politiki vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [The Highest Authorities of the Russian Empire and the Formation of State Educational Policy in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries] // *Sotsiologiya vlasti*. 2007. № 1. P. 131–139.

Shirkova G.A. *Kvalifikatsionnyy uroven' uchiteley srednikh obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedeniy g. Moskvy v kontse XIX – nachale XX v.* [The Qualification Level of Teachers in the Late 19th – Early 20th-century Moscow Secondary Schools] // *Vestnik RUDN. Series "Istoriya Rossii"*. 2006. № 3. P. 343–351.

Suslina I.A. *Prichiny, sodержaniye i posledstviya kontrreformy srednego obrazovaniya Aleksandra III: istoriko-pravovoy analiz* [Reasons, Content and Consequences of the Counter-reform of Secondary Education under Alexander III: A Historical and Legal Analysis] // *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii*. 2017. № 4 (37). P. 28–31.

Sysoyeva E.K. *Narodnoye obrazovaniye i zemstvo v gody Pervoy mirovoy voyny (po materialam zemskoy i pedagogicheskoy pressy)* [Public Education and the Zemstvo during the First World War (Based on the Material of the Zemstvo and the Pedagogical Press)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 8. Istoriya*. 2018. № 5. P. 60–85.

Sysoyeva E.K. *Obshcheobrazovatel'naya shkola v Rossii v usloviyakh modernizatsii nachala XX v.* [Secondary School in Russia during the Early 20th-century Modernization] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 8. Istoriya*. 2010. № 2. P. 61–76.

Titarenko Yu.I. *Zhenskoye obrazovaniye v Simbirskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XXI vv.* [Female Education in Simbirsk Gubernia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries] // *Simbirskiy nauchnyy vestnik*. 2011. № 2 (4). P. 78–83.

Tsyt's V.V., Tsyt's O.P. *Zhenskoye obrazovaniye i zhenshchiny v obrazovanii na Tobol'skom severe v XIX – nachale XX vv.* [Female Education and Women in Education in the 19th – Early 20th-century Tobolsk North] // *Zhenshchina v Rossiyskom obshchestve*. 2017. № 4 (85). P. 78–87.

Zubkov I.V. *Uchitelya srednikh i nachal'nykh shkol v kontse XIX – nachale XX vv.* [Secondary and Elementary School Teachers in the Late 19th – Early 20th Centuries] // *Vestnik RUDN. Series "Istoriya Rossii"*. 2006. № 3. P. 95–99.

Поступила в редакцию
13 июня 2019 г.